

Игорь Валерьевич Скрябин

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат исторических наук

E-mail: ig1012008@yandex.ru

Правовая культура российского крестьянства в конце XIX века (на примере материалов Тульской губернии)

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена тем, что в последние десятилетия вновь пробудился интерес исследователей к повседневной жизни и правовой культуре крестьянской общины России в пореформенное время, причем одни авторы правосознание жителей деревни идеализируют, а другие к нему относятся скептически. В статье на основе большого фактического материала рассмотрены проблемы крестьянского правосудия реформированной тульской деревни. Проанализированы плюсы и минусы правовой обособленности сельян. Авторские суждения строятся с опорой на классические теоретические методы научного познания. По мнению автора, на особенности правовой культуры большой отпечаток наложила именно правовая изоляция и воздействие обычного права. Местный обычай оказывал влияние на все правовые взгляды и поступки односельчан и, прежде всего, на обязательства. На основании проведенного*

автором анализа архивных сведений показано, что при заключении договоров найма на сельские работы применение местного обычая нередко ухудшало положение крестьян. Исследовано отношение местных селян к имущественным нарушениям, а также причины неуважения к частной собственности у общинников. Особо подчеркнуто, что постоянное стремление общины защищать свои интересы нередко вступало в противоречия с установками официального закона. Собраны и исследованы факты тормозящего влияния архаических принципов и правил обычного права на модернизацию деревни это периода.

Ключевые слова: официальный закон; местный обычай; обычное право; правовая культура; имущественные сделки; принципы обычного права; волостной суд; кражи.

Igor Valerjevich Skryabin

*Associate Professor of the Department of state and legal disciplines
of the Tula Institute (the brunch) of the All-Russian State
University of Justice, candidate in historical science.*

Legal Culture of the Russian Peasantry in the End of XIX century (exemplified on the Tula province's data)

Annotation: *actuality of the topic of the article is caused by the interest of the researchers raised in the last decades, towards everyday life and legal culture of the Russian peasants' community in post-reform period. Though some authors idealize villagers' sense of the justice and other ones recognize it skeptically. Basing on the large actual data the author of the article describes issues of peasants' justice in post-reform Tula village and analyzes benefits and drawbacks of the legal isolation of the villagers. The author's views are built upon the classical theoretical methods of scientific cognition. On the author's opinion specific features of the legal culture are caused by legal isolation and influenced by the common law. Local tradition forced all the legal options and doings of home-folks and, mostly, their engagements. Based on the author's analysis of the archive data it is shown in the article that the use of local tradition while concluding employment agreements in major cases worsens peasants' situation. The article contains research of local villagers' attitude towards property delicts and the causes of disrespect towards private property among commoners. The author pays special attention to the fact that commune's constant intention to protect its interests often faced contradictions of the official law facilities. The article contains collected and analyzed factors of inhibiting influence of the archaic principles and rules of customary law on the modernization of the village in this period.*

Keywords: *official law, local tradition, customary law, legal culture, privacy dealings, principles of customary law, volost (district) court, thefts.*

На формирование правовой культуры российского крестьянства в конце XIX в. повлияло множество различных факторов: многовековое крепостное право, постоянный рост ненависти к помещикам, суровость российского законодательства, воздействие религии и правового нигилизма. Однако главным обстоятельством, которое отразилось на особенностях крестьянского правосознания, явилась их правовая изоляция, возникшая в пореформенное время.

Реформа 1861 г. не только предоставила многомиллионному крестьянству свободу, но и создала для него возможность перейти к самоуправлению. Важнейшей стороной этого преобразования стала организация собственного

крестьянского правосудия, которое ликвидировало помещичью привилегию судить селян и заложило основы регулирования правовых отношений в свободной деревне.

Отметим, что накануне отмены крепостного права шел активный поиск лучшей модели правосудия в деревне. Одни разработчики реформы считали, что не следует создавать специальных сельских судов, а надо разрешить общине решать тяжбы односельчан. Другие придерживались мнения, что крестьянские споры желательнее рассматривать в мировых судах на основе государственного права. В итоге победил проект создания сословно обособленных крестьянских судов. Местный правовой обычай был объявлен источником права при разбирательстве сельских исков в специально созданных волостных судах по гражданским делам до 100 рублей.

Авторы реформирования, разрешив использовать в суде нормы обычного права, полагали, что в деревне издавна существуют в большом количестве нужные местные обычаи. Однако это было ошибочное мнение. Местных правовых обычаев было немного, составить правовую систему они не могли, в некоторых случаях они вообще отсутствовали, и волостным судам пришлось их выдумать в угоду крестьянскому миру. Минус был и в том, что архаичными оказались принципы и правила, на которые опиралось неписаное обычное право.

Именно правовая обособленность и использование местных правовых обычаев привели крестьян к формированию своеобразной правовой культуры. Как правовые воззрения сельских жителей проявлялись во взаимоотношениях с односельчанами, а также с внешним миром, рассмотрим на примере тульской деревни.

К концу XIX в. тульские крестьяне все чаще начали вступать в имущественные отношения. Они покупали и продавали, менялись, арендовали, брали займы, нанимались на работы и совершали различные другие соглашения. Рост товарно-денежных отношений и широкое распространение сделок говорили о том, что жители деревни в большинстве случаев стремились выполнять взятые на себя договорные обязательства, понимая, что неисполнение их подрывает репутацию общины, является неблагоприятным поступком и «грехом». По отношению к селянам, уклоняющимся от соблюдения требований соглашений, общественное мнение было настроено отрицательно. Отметим также, что община, не одобряя нарушителей, могла безотлагательно назначить им наказание розгами или штрафами¹.

Местный обычай отражался на условиях любой сделки в деревне. В конце XIX в. в тульской деревне была широко распространена купля-продажа. Покупки, как правило, совершал домохозяин, который, как и при обмене, долго и тщательно определял ценность вещи. Не менее длительным по деревенской традиции был и процесс торговли. Если стороны сговаривались, то покупатель вносил задаток. Если покупатель отказывался от товара, то задаток оставался у продавца. Если продавец обманывал покупателя и не поставлял товар, то обычно с него брали двойной задаток. Интересно, что непоставка товара строго наказывалась, а за плохое качество продукта обычное право не осуждало. Тульские писатели отмечали случаи, когда продающей стороне удавалось навязать больную лошадь или корову и даже спрятать в прессованном сене

¹ См.: Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 711. Оп. 1. Д. 176, 178.

камни¹. Правовые установки общины не осуждали подобные действия, более того, в определенной степени их одобряли, т. к. нередко порицался ротозей-покупатель, а не продавец-ловчила. В данном случае, как обычно, на первый план выходила общинная целесообразность².

Обычным делом в деревне являлись займы зерна до нового урожая. Зерно одалживали и в виде семян, и для питания. Жители деревни давали зерно друг другу в долг без процентов, а возвращали осенью, когда хлеб был наиболее дешевым. Кредитование деньгами односельчане также производили без погони за барышами, а лишь за угощение водкой.

Ростовщики в деревне, конечно, были, но, по убеждениям крестьян, брать большие проценты с общинника считалось делом греховным. В русском селе слово «ростовщик» являлось ругательным. В то же время потребовать у должника за ссуду денег или семян отработку или магарыч греховным делом не представлялось. По воззрениям крестьян, это было одолжение за одолжение, услуга за услугу.

В тульской деревне был также широко распространен договор найма работников. Основными нанимателями были помещики и состоятельные крестьяне. Правовые отношения работников с нанимателями в деревне регулировались специальным законом «Положение о найме на сельские работы», принятым в 1886 г.³ Это постановление, прежде всего, учитывало интересы землевладельцев и ставило батраков в большую зависимость от хозяев. Однако сельские владельцы эти официальные правила считали мягкими и при заключении контрактов с жителями деревни стремились опираться на местный правовой обычай.

Интересно, что среди специалистов того времени бытовало противоположное мнение о том, что к заключению соглашения на основе местных обычаев тяготеги сами крестьяне, считая их якобы более понятными и менее строгими, чем официальный закон. Для того чтобы развеять этот миф, мы провели сравнение условий найма в деревне на основе обычного права (архивные материалы) с условиями «Положения о найме...» 1886 г., результаты которого приводятся в таблице. Из нее видно, что неписаное обычное право нередко оказывалось более жестким и суровым, чем условия официального законодательства. Крестьяне при найме не просили свои якобы «мягкие» местные обычаи, им их навязывали землевладельцы. В размерах и видах наказаний за нарушение условий контракта местный обычай часто отходил от положений закона 1886 г. в наихудшую для селян сторону.

Теперь посмотрим, как официальное законодательство и местный обычай оценивали имущественные преступления в крестьянской среде. Начнем с анализа отношения жителей деревни к воровству. Государственный закон однозначно запрещал воровство и сурово наказывал за него — от порки розгами до ссылки. В целом деревня была настроена отрицательно по отношению к нечистым на руку крестьянам. Охотников до чужого добра не поддерживали в семьях. Некоторые крестьяне даже гордились тем, что за всю жизнь ничего чужого не взяли.

¹ См.: *Успенский Г. И.* Крестьяне и крестьянский труд // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века / ред. Ю. В. Лебедев. М., 1987. С. 396.

² См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 122. Л. 17.

³ См.: Положение о найме сельских рабочих // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1888. Т. 6, № 3803.

Таблица

**Условия найма на сельские работы по закону 1886 г.
и по местным правовым обычаям**

Условия найма	«Положение о найме...» 1886 г.	Местный правовой обычай
Самовольный уход от хозяина	Прервать договор или вернуться к хозяину	Штраф в двойном размере либо арест на месяц
Прогул	Вычет из зарплаты за прогулянное время	Штраф в размере усмотрения хозяина
Одновременный найм к двум хозяевам	Вернуть к первому хозяину, прекратить договор со вторым	Объявляется обманом, розги и возвращение к первому хозяину
Неповиновение хозяину, дерзость	Прекратить договор, за убытки вычет из зарплаты	Уголовная ответственность, штраф, арест, розги
Порча или утрата имущества	Выплата за убытки	Полное возмещение стоимости вещи, штраф
Питание рабочих	По нормам крестьян-середняков	Минимум расходов на питание

В то же время при таком неодобрительном отношении к воровству любой селянин мой спокойно заскочить в ближайший лес и срубить без дозволения все, что ему было необходимо для своего хозяйства. Согласно своим правовым воззрениям общинники это противоречие объясняли просто: не является собственностью то, к чему не приложен труд.

«Лесная порубка не является грехом», — писали корреспонденты из Одовского уезда Тульской губернии¹. Целую группу следующих поступков народный обычай не причислял к преступлениям: сбор грибов, ягод и орехов, охоту в чужой роще, ловлю рыбы в пруду и реке, покос травы на чужой поляне. Если никто в реку рыбу не запускал, траву на лугу не сеял, грибы и ягоды не сажал, значит, все это общее, принадлежит всем, нарушений и греха нет — таких правовых взглядов придерживались селяне. Однако, рассуждали они, если в это общее, созданное Богом, вложен труд, то в результате труда появляется собственник. Украсть собранные грибы, высушенное сено, хлеб нельзя, это уже воровство. Местный обычай ряд краж не считал преступлениями, а к отдельным хищениям подходил избирательно. Так, обычное право реально заявляло: можно воровать, если это в интересах крестьянского двора, только при этом смотри не зацепи хозяйственных интересов общины. Из Чернского уезда Тульской губернии на рубеже веков корреспонденты информировали, что обычным делом для жителей являлось ночью увезти несколько снопов

¹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 122. Л. 17.

сжатого хлеба или во время сенокоса умыкнуть два-три снопа сена. Надергать разных овощей в огороде и нарвать яблок и ягод в соседском саду — тоже было традиционным явлением¹.

Однако крестьяне воровали весьма осмотрительно и вариативно. Похищали не у всякого, а у богатых односельчан². У бедных крали редко, в случае крайней нужды. Местный обычай не одобрял посягательства на малоимущих и сирот. Богатый быстро восстановится, а бедному уже никогда не подняться, объясняли жители села. Следует отметить, что такое недружеское и завистливое отношение к состоятельному односельчанину не содействовало буржуазному развитию деревни. Зажиточные соседи действовали как предприниматели: увеличивали посевы на арендованных землях, закладывали коммерческие сады, покупали дубравы и пойменные луга, строили мельницы и крупорушки. Однако сложившийся местный обычай не одобрял и не защищал все эти капиталистические новшества. Сломать забор, выдернуть молодые яблони, потравить луга у хорошего хозяина было нередким явлением в общине. Кроме того, если бедняка-злумышленника ловили на лугу богатого соседа, где он спокойно производил самовольный покос, то волостной суд мог встать на защиту бедняка, заставить его извиниться и вернуть скошенную траву, но в то же время собственник луга обязан был вознаградить нарушителя за покос. Как ни странно, волостной суд принимал решения непременно с учетом затрат труда нарушителя. Все эти местные традиции противоречат понятиям неприкосновенности частной собственности. Община с ее обычным правом мешала установлению правильного понимания о собственности у крестьян.

Никакого почтения и уважения у тульских крестьян не было, да и быть не могло и по отношению к собственности бывших крепостников-землеладельцев. Можно с уверенностью утверждать, что христианская заповедь «не укради» на помещиков не распространялась. В правосознании крестьян доминировала мысль о том, что у соседа-помещика всего очень много; если позаимствовать, то хватит на всех, да и у него бесхозно много пропадет.

Такие воззрения и подталкивали селян активно действовать во владельческом лесу при заготовке сена, дров, хвороста и лесных плодов³. Их «хлопоты в лесу» местный обычай не считал ни грехом, ни нарушением, а главное — не призывал к наказанию. Поэтому жители деревни систематически воровали у барина, не опасаясь сурового городского закона, обычно даже не прятались от односельчан, твердо веря, что соседи на своих не донесут.

В основе такого поведения жителей деревни лежит особый менталитет, корни которого уходят в глубину веков. Россия долгое время была оторвана от европейского законодательства, где главными положениями гражданского права являлись идеи частной собственности. Римские положения священности и неприкосновенности любого имущества были неизвестны и чужды жителям русской деревни. Как могли крестьяне уважать чужую собственность, если они пятьсот лет были крепостными, и вся земля была у помещиков? Реформа 1861 г. дала им свободу, но в собственников не превратила, а сделала их всего

¹ См.: Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 43 : Тульская губерния. СПб., 1903. С. 485–488, 500.

² См.: ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.

³ См.: ГАТО. Ф. 105. Оп. 1. Т. 1. Д. 8, 15, 137, 191, 192.

лишь пользователями наделов. Земля перешла к общине, которая периодически перераспределяла ее между дворами. Главным для селян являлось право на труд, а не на собственность. По правовым воззрениям общинников, монополию на землю может иметь только реальный труженик на этой земле, а у тех, кто не трудится, привилегий нет, и у них можно забирать все, что необходимо для крестьянского двора. Разрешается изымать и у своего богатого собрата, если он допустил нарушения правил общины, т. е. смог вырваться из уравниловки и сделать свое хозяйство состоятельным.

Тормозил хозяйственное развитие тульской деревни и еще один принцип общего права — решение дел в суде «глядя по человеку». Волостной суд, вынося приговор за совершенный проступок, конечно, учитывал тяжесть совершенного деяния, но еще важнее для него являлась личность подсудимого. Поясняя этот момент, И. Г. Оршанский сообщал, что для крестьянского суда «личность обвиняемого имеет первенствующее значение как члена мира, как соседа, домохозяина и плательщика налогов»¹.

Община почти всегда хорошо знала истца и ответчика с детства, учитывала трудолюбие, рачительность, хозяйственную самостоятельность участников процесса, их семейное положение, репутацию того и другого в селе, а потом уже брала в расчет суть дела, специфику и мотивы нарушения. Это давало возможность крестьянским судьям в большой степени учитывать смягчение обстоятельства и действовать, как считали односельчане, более справедливо. Физические недостатки, чистосердечное признание, а главное, заслуги виновного — все это на суде играло решающую роль.

Принцип «глядя по человеку» далеко не всегда был справедливым, т. к. нарушал другой принцип государственного права — равенство всех перед законом. Однако местный обычай это не учитывал. В каждом конкретном сюжете община подбирала такой путь разрешения спорного положения, который для нее был наиболее целесообразным и разумным, это проявлялось в привлечении к ответственности «глядя по человеку». Таким образом, община стояла на стороне не прав личности, а своих интересов, сурово наказывая одних и поощряя других, «себе нужных и полезных». В целом же, эти, на первый взгляд, очень благие намерения подхода к спорной ситуации по личным качествам далеко не всегда помогали прогрессу в деревне.

Подведем итоги. Конец XIX в. — один из важнейших и интересных этапов в эволюции правовой культуры русского села. В созданных после реформы 1861 г. волостных судах источником права провозглашали неписаное обычное право. Местных обычаев было недостаточно, и крестьянским судам разрешили принимать решения по своему усмотрению. Правовую культуру этого периода можно назвать обычно-правовой, т. к. основная масса крестьян почти не знала официального закона и, естественно, уважать его не могла, а почитала местные обычаи, по которым жили их отцы и деды. Правила, принципы и установки общины стали основой социального поведения селян. В установлении правонарушений интересы общины брали верх над интересами отдельной личности. Для правового сознания жителей деревни этого периода было характерно господство моральных мерок в оценке преступлений. Почтения

---

¹ Оршанский И. Г. Исследование по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879. С. 146–147.

к чужому имуществу в русском селе не испытывали. Поземельные отношения в тульской деревне, как и по всей стране, основывались на принципе трудового начала.

По ходу развития товарно-денежных отношений в крестьянской среде и появления имущественных сделок у состоятельных хозяйств возникла потребность в регулировании имущественных дел официальным законом. Жители села все меньше доверяли своему «родному», «лапотному» суду, который стремился не наказать, а примирить враждующие стороны, а если наказать, то по принципу «глядя по человеку». Обычное право на рубеже веков стало тормозить модернизацию русской деревни.

Пристайейный библиографический список

1. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа : сборник : в 2 т. / В. И. Даль. — М. : Худ. лит., 1984. — 443 с.
2. Оршанский, И. Г. Исследование по русскому праву, обычному и брачному / И. Г. Оршанский. — СПб. : Тип. А. Е. Ландау, 1879. — 459 с.
3. Положение о найме сельскохозяйственных рабочих // Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 3-е. — СПб. : Рос. тип., 1886. — Т. 6, № 3803.
4. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 43 : Тульская губерния. — СПб. : Тип. И. Гольдберга, 1903. — 528 с.
5. Успенский, Г. И. Крестьяне и крестьянский труд // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века / ред. Ю. В. Лебедев. — М. : Современник, 1987. — 509 с.

References

1. Dal', V. I. Posloviy i pogovorki russkogo naroda [Proverbs and Sayings of the Russian People] : 2 volumes collection. / V. I. Dal'. — M. : Hud. lit., 1984. — 443 p.
2. Orshanskij, I. G. Issledovanie po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu [Research of Russian Law, both common and marriage] / I. G. Orshanskij. — SPb. : Tip. A. E. Landau, 1879. — 459 p.
3. Polozhenie o najme sel'skohozyajstvennyh rabochih [Provision of engagement of agricultural workers] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — Sobr. 3-e. — SPb. : Ros. tip., 1886. — T. 6, № 3803.
4. Trudy mestnyh komitetov o nuzhdah sel'skohozyajstvennoj promyshlennosti. [Works of local committees about the needs of agricultural industry] T. 43 : Tul'skaya guberniya. — SPb. : Tip. I. Gol'dberga, 1903. — 528 p.
5. Uspenskij, G. I. Krest'yane i krest'yanskij trud // Pis'ma iz derevni. Oчерки o krest'yanstve v Rossii vtoroj poloviny XIX veka [Peasants and their work // Letters from the village. Essays about peasantry of the 2nd part of XIX century] / red. YU. V. Lebedev. — M. : Sovremennik, 1987. — 509 p.